

III. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИОННОГО ФОНДА МАЭ РАН

Е. А. Алексеенко

У истоков формирования кетского фонда в МАЭ РАН

Значение хранящегося в музеях этнографического материала по кетам трудно переоценить, так как реалии их народной культуры, прежде всего ее вещная составляющая, ныне почти повсеместно утрачены. Процесс этот произошел практически на глазах, в течение трех с половиной—четырёх последних десятилетий уходящего века. Ему соответствовали интенсивное сокращение языкового пространства и активная этническая ассимиляция. Причины тому различны и неоднозначны, в целом же они связаны с происходившими в этот период кардинальными переменами в образе жизни, быте и социальных связях людей.

Вещи, составляющие живое окружение дедов и отцов современных кетов, ими самими изготовленные и используемые, ныне сохраняются только в качестве музейных памятников. Следует сказать, что музейная судьба кетской народной культуры кетов, к счастью, оказалась благосклонной. На первый взгляд, даже кажется парадоксальным, что предметы бытовой и символической культуры столь немногочисленного народа нашли свое место во многих музеях, причем не только российских, но и зарубежных. Достаточно привести хотя бы сам перечень городов, в музеях которых имеются кетские вещи. В России — это Санкт-Петербург, Красноярск, Томск, Новосибирск, Енисейск, Казань. За пределами нашей страны более всего кетских коллекций оказалось в Германии (они есть в музеях Гамбурга, Берлина, Лейпцига, Дрездена). Имеются они и в Финляндии (Хельсинки) и даже в Японии (Киото). Естественно, поступление вещей в музеи было разновременным (наиболее значительные коллекции собраны в последнее десятилетие XIX в. — 1920-е годы) и связано с различными именами и учреждениями. Однако не будет преувеличением ска-

зять, что начальный импульс этому процессу был дан центром российской академической этнографии — МАЭ.

Конец XIX и начало нового XX в. были временем растущего интереса к сибиреведению. Возглавляемый ориенталистом широкого профиля академиком В.В. Радловым Музей проводил планомерную работу по концентрации научных кадров и расширению источниковой базы. Организовывались экспедиции, изыскивались средства для пополнения фондов коллекционным материалом. Музей привлекал как уже известных ученых (таким был, например, пришедший в МАЭ в 1901 г. исследователь Амурского края Л.Я. Штернберг), так и начинающих специалистов и просто любителей краеведения иных профессий. Именно в то время свою деятельность в МАЭ начали В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон, Д.А. Клеменц, Б.Э. Петри, чьи имена со временем заняли ведущее место в историографии Сибири и смежных с нею регионов.¹

В числе молодых энтузиастов сибиреведения оказался и Василий Иванович Анучин. Уроженец Красноярья, в столице он учился в Петербургском археологическом институте. Еще будучи двадцатидвухлетним студентом, в 1897 г. он был зачислен в штат МАЭ. Но на родине он к тому времени уже был известен как беллетрист, интересующийся народным бытом и фольклором, автор ряда статей и очерков по этой тематике. Литературным склонностям он оставался верен и далее: состоял в переписке с М. Горьким, поддерживал контакты с Л. Андреевым, Ф. Гладковым, Вяч. Шишковым.² (Интересно, что Вячеслав Шишков текстуально использовал сделанное В. Анучиным описание камлания кетского шамана, лишь перенеся действие в среду тунгусов на Нижнюю Тунгуску — Угрюм-реку.)

Но тогда, весной 1905 г., по заданию и на средства Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии и МАЭ В. Анучин отправился в далекий от Петербурга Туруханский край для изучения енисейских остяков — кетов. В организации этой первой и нескольких последующих экспедиций непосредственное участие принимали В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг. Исследовательская программа планировалась как комплексная, но основное внимание предполагалось уделить языку енисейских остяков. Интерес к нему был вызван еще деятельностью М.А. Кастрена — первого исследователя уральских языков, основателя кетского и енисейского в целом языкознания. В поисках родственных финнам народов, он в 1845—1849 гг. осуществил ряд экспедиций в северо-западную, западную и южную Сибирь. На Енисее ученый обнаружил остяков-кетов с совершенно особым, нежели у уже известных ему по обскому региону остяков-угров, языком. От М.А. Кастрена в МАЭ поступил и первый кетский экспонат — берестяная коробка, украшенная характерным орнаментом с надписью: «Arbait d. Ostjakn am Jenisej v. Dr. Kastren, 1846» (кол. № 27-40). В.И. Анучину предстояло собрать у кетов коллекционный материал для Музея, максимально отражающий разные стороны народной культуры. В его задачи входили также сбор этнографических сведений, антропометрия.

Судьба полученного В. Анучиным материала оказалась различной. Не выдержали испытания временем антропологические сведения. Они были обработаны и опубликованы в 1911 г. анатомом Н.А. Синельниковым, но прямолинейные выводы о двух типах кетов — тюркоподобном и европеоидном — современными антропологами целиком не принимаются.³

Языковые материалы — лексика для словаря, образцы текстов, собственные имена и другие — представляют интерес и часто используются лингвистами и этнографами. Но попытка подготовить грамматику кетского языка нелингвисту В.Анучину не удалась, и от другой языковедческой работы с использованием своего материала он отказался. (Фронтальное изучение кетского языка началось в 1950-е годы и успешно развивается уже в русле общего енисейского языкознания в настоящее время.)

Наиболее значимой для кетской историографии следует признать этнографическую деятельность В. Анучина, а в ней, как показало время, — системно собранные, аннотированные полевой информацией и терминологией музейные коллекции. В МАЭ они составили базис постепенно сформировавшегося кетского фонда.⁴ Поступления от В. Анучина образуют в нем три предметные (около 250 единиц хранения) и несколько иллюстративных коллекций — рисунки, фотографии. В основную предметную коллекцию (№ 1048) было включено несколько полотен (два портрета, пейзаж с кетским стойбищем на берегу) известного красноярского художника Д.Н. Каратанова, принявшего участие в поездке в Туруханский край с В.Анучиным в 1907 г.

Непреходящая ценность материала, собранного В. Анучиным, состоит в том, что в нем представлены все основные стороны жизни народа: хозяйствование, материальное жизнеобеспечение, символическая культура. Чтобы оценить собирательскую деятельность В. Анучина, достаточно уже перечисления содержащихся в МАЭ предметов. Основные жизнеобеспечивающие занятия кетов представлены разнообразными орудиями труда: охотничьими (лук и стрелы с различными наконечниками, колчаны, ловушки, предметы охотничьего снаряжения) и рыболовными (острога, ставная сеть, удочки и др.). Наборы самодельных инструментов отражают такие занятия, как обработка дерева (стружок, сверло, ножи), выделка шкур (мялка, скребок), кузнечество и др. Об особенностях домашнего быта свидетельствует ряд предметов оборудования чума и интерьера (берестяные покрышки и дверь, деревянная колыбель, таган, низкий столик). Очень полно представлена утварь: самодельная посуда из дерева, кости и бересты (блюда, чашки, ложки, коробки); разнообразные изделия из шкур и кожи животных, птиц, рыб (сумки, мешочки, игольники и др.). Для всех этих предметов характерно знание и искусное использование мастерами естественных качеств и формы материала.

Анучину не удалось получить полного набора одежды, бытовавшей у кетов. В его коллекциях имеются широко распространенная в то время халатообразная одежда из сукна, одинаковая по покрою в мужском, женском и подростковом вариантах, а также комплекты зимней одежды мужчин: парка из одной шкуры оленя и обувь с меховой (камусной) головкой и суконными

голенищами. К обуви прилагаются вышитые цветным бисером суконные подвязки (их завязывали поверх голенища ниже колен) и сухая болотная трава, заменявшая стельки и портянки. Образцы нижней одежды из покупной ткани (мужская рубаша, женское платье) свидетельствуют о влиянии народной одежды русских. Нательная распашная парка из ровдуги, а также глухая с капюшоном одежда из оленьего меха и камусная (целиком) обувь, распространившиеся у части кетов вместе с оленеводством, в МАЭ попали позднее, трудами других собирателей, вслед за Анучиным исповедовавших системный принцип сбора материала (Н.К. Каргер и др.).

Благодаря Анучину, в Музее оказались в подлинниках все основные виды транспортных средств кетов: лодка-долбленка, лыжи (зимние, с меховой подволокой, и весенние — без таковой), ручная нарта. Ручные нарты человек тащил с помощью особой грудной лямки. В коллекциях имеется несколько экземпляров лямок — из медвежьей шкуры, из прочной кожи налима, бересты. Подобные лямки использовались и при транспортировке бечевой больших лодок-илимок с крытой жилуй частью. Семья ночевала в них на стоянках при многодневных передвижениях по реке. В.Анучин привез несколько наварший (флюгеров) мачт этих лодок. В их оформлении обращает внимание сочетание традиционных культовых элементов (использование в конструкции части шаманского посоха) и миссионерского влияния (изображения крестов, церкви).

Чрезвычайно интересны орнаментированные спинки женских ручных нарт. Они ценны не только как немногие известные нам образцы резьбы по дереву. Устойчивость космологической композиции — мировое дерево, соединяющее верхний и нижний миры, — обусловлена мифологическими корнями. Такая спинка отличала нарту женщины, признававшейся хозяйкой очага, семьи. Она называлась «четырехножная, чум кормящая нарта». В старости хозяйка передавала орнаментированную спинку невестке. Та прикрепляла ее к своей нарте, и это было знаком взрослого социального статуса этой женщины. Отмеченная традиция сохранялась до конца 1930-х годов, а затем была утрачена. Далее отмечалась практика прикреплять орнаментированные дощечки над входом в жилую часть лодки-илимки, но прямых сведений об их символической роли нет, ее можно только предполагать.

В числе редких предметов — доставленные В. Анучиным курительные трубки. Некоторые из них («праздничные») инкрустированы свинцом, оловом, медью. Согласно сведениям собирателя, инкрустацией могли изображаться живые существа (например, белка-летяга), духи, космические объекты (звезды, кометы). Уникальны трубки, для изготовления которых мастер отыскивал природные формы дерева (березового наплыва), напоминающие фигуру животного — медведя, собаку, лося и др. Изделия обнаруживают незаурядные художественные способности исполнителей — наблюдательность, развитое образное восприятие формы, вкус. Они тем более ценны, что в музейных собраниях образцов народного прикладного искусства кетов явно недостаточно. Среди памятников культуры, редко попадавших в руки собирателей и со временем утраченных кетами, могут быть упомянуты самобытные игральные

шашки, одна половина деревянных фигур, в которых символизирует мужчин, другая — женщин.*

Сферой особых интересов В. Анучина в его полевой работе были мифология, шаманство, другие народные культы и верования. Это наиболее интимная область культуры, и она не сразу открывается человеку со стороны. Разнообразные предписания, табу на сакральное затрудняют доступ к ритуалу и получение устной информации. Что же говорить об отправке предметов культа в неизвестное и чуждое их почитателям далёко? Но В. Анучину во всем сопутствовал успех. Он не мог быть обеспечен одними только, пусть самыми квалифицированными, программами. От собирателя требуются и определенные личные качества: контактность, интуиция, способность доброжелательно воспринимать чужую жизнь и отдавать ей частицу своего сердца.

В. Анучин не остался равнодушен и к природе северного края, и к бедственному положению коренных жителей. Об этом свидетельствуют его публичные выступления перед красноярской общественностью, статьи в местных газетах, а также популярные очерки, один из которых вышел отдельным изданием в Петрограде.⁵ Люди, чувствуя искреннюю заинтересованность, открывали молодому ученому сокровенное.

Полевая деятельность В. Анучина осуществлялась в то время, когда обусловленные мифологическим мировоззрением представления еще понижывали семейно-бытовую и общественную сферы жизни кетов, регулировали поведение людей и их ориентации. Не удивительно, что в коллекционных приобретениях В. Анучина высок удельный вес материала, относящегося к символической культуре. Практически целиком он был подготовлен В.Анучиным к печати и опубликован в отдельном томе Сборника МАЭ.⁶ Публикация доныне сохраняет значение первостепенного источника. Наиболее полно в нем представлены сведения по шаманству — его идеологии, атрибутике, ритуалу. Обилие профессионально выполненных художником МАЭ С.М. Дудиным иллюстраций кроме всего сделало издание уникальным каталогом хранящихся в Музее вещей, и это обеспечило им роль связующего звена во времени на новом этапе сбора полевых сведений по шаманству и народному мировоззрению кетов в 1960—1980-е годы. Наследие В. Анучина оказалось значимо как для расширения общей информации по этой проблематике, так и для пополнения кетского фонда Музея предметным материалом, относящимся к наиболее закрытой для человека со стороны сфере.

* Близкий по количеству (225 единиц) и составу материал В.И.Анучина составляет кетскую коллекцию в Гамбурге (Hamburgisches Museum für Völkerkunde; поступления 1911, 1913, 1915 и 1918 гг.). В основном это дублиеты, но имеются и отсутствующие в МАЭ интересные экспонаты (например, наспинная поняга — неотъемлемая принадлежность пешего охотника, и переметные сумы, свидетельствующие о проникновении вьючно-верхового способа передвижения на олене).

Информантами 1960—1980-х годов были обычно лица, непосредственно к шаманской практике не причастные. Да и сама практика, если и имела место, то в единичных случаях и существенно видоизменив внешнюю сторону: без коллективных обрядов, при отсутствии необходимого комплекса атрибутов. В этих условиях не раз приходилось удивляться, как человеку, впервые увидевшему рисунок бубна, изготовленного еще в конце XIX в. и доставленного в МАЭ В. Анучиным (кол. № 1048-67), оказывалась доступной и семантическая многозначность, и сложная символика вещи. Лишь постепенно пришло осознание, что за образами и представлениями, со стороны воспринимающимися как специфически шаманские, стоят общие базисные идеи и понятия народной мировоззренческой традиции. Ими поддерживалась системная связь представлений, ритуала и атрибута, а соответствующие культурные «коды» обеспечивали сохранение информации.

Ощущение непрерывности времени возникало всякий раз, когда кеты называли имена шаманов, упоминавшихся В. Анучиным, или демонстрировали культовые предметы, сохранявшиеся с тех далеких времен (например, изображение символической жены шамана из рода суломайских Каменских, хозяйкой которой некоторое время была умершая еще в первую империалистическую войну шаманка Кутнам, известная В. Анучину).

В.И. Анучин стоял у истоков специального изучения культуры, этногенеза и этнической истории кетов. Проблемы эти входили в круг его интересов. Он, несомненно, обладал необходимой исследователю интуицией и талантом собирателя. Но многообещающее начало не получило должного продолжения. Сказались и бурные события переломных лет, и увлекающийся характер самого В. Анучина. Жизнь увела его и от Енисея, и от кетов. Сначала — на Алтай, где он в 1918 г. активно включился в движение за государственное объединение всех тюркоязычных народов и групп Южной Сибири (это движение официально было осуждено как националистическое), затем — в Томск, где он сблизился с Г.Н. Потаниным, известным исследователем Центральной Азии. Последним прибежищем В. Анучина стал узбекский город Самарканд. Здесь он снова обратился к краеведению — читал лекции по географии в Педагогическом институте, но в последние годы (умер он в 1943 г.) от науки отошел совсем.

¹ Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. М.; Л., 1964. С.77, 79—85.

² Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т.1. А—Г. М., 1989. С.95—96; Горький М. Собр. соч. Т.30. Указатель имен по адресам.

³ Синельников Н.А. Енисейские остяки по наблюдениям и измерениям В.И. Анучина // Труды Антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1911. Т.28, вып.1; Гохман И.И. Антропологические аспекты кетской проблемы. Результаты антропологических и краниологических исследований // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982. С.9.

⁴ Алексеев Е.А. Кетские собрания МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. Сб. МАЭ. 1980. Т.XXXV. С.65—72.